

Эта книга посвящается Люсинде Калтин, Алу Демпси, Тому Догерти, Сюзан Ингланд, Дику Галлену, Джону Джарольду, «Парням из Джонсон-Сити» (Майку Лесли, Кеннету Лавлесу, Джеймсу Д. Ланду, Полу Р. Робинсону), Карлу Лундгрёну, «Монтанской шайке» (Элдону Картеру, Рэю Гренфеллу, Кену Миллеру, Роду Муру, Дику Шмидту, Рэю Сэшионсу, Эду Уайлди, Майку Уайлди и Шерману Уильямсу), Уильяму Макдугалу, Луизе Шивс Попхэм Раоул, Тэду и Сидни Ригни, Роберту А. Т. Скотту, Брайану и Шэрон Уэбб и Хэзер Вуд.

Они пришли мне на помощь, когда Господь прошел по воде и подлинное Око Мира прошло через мой дом.

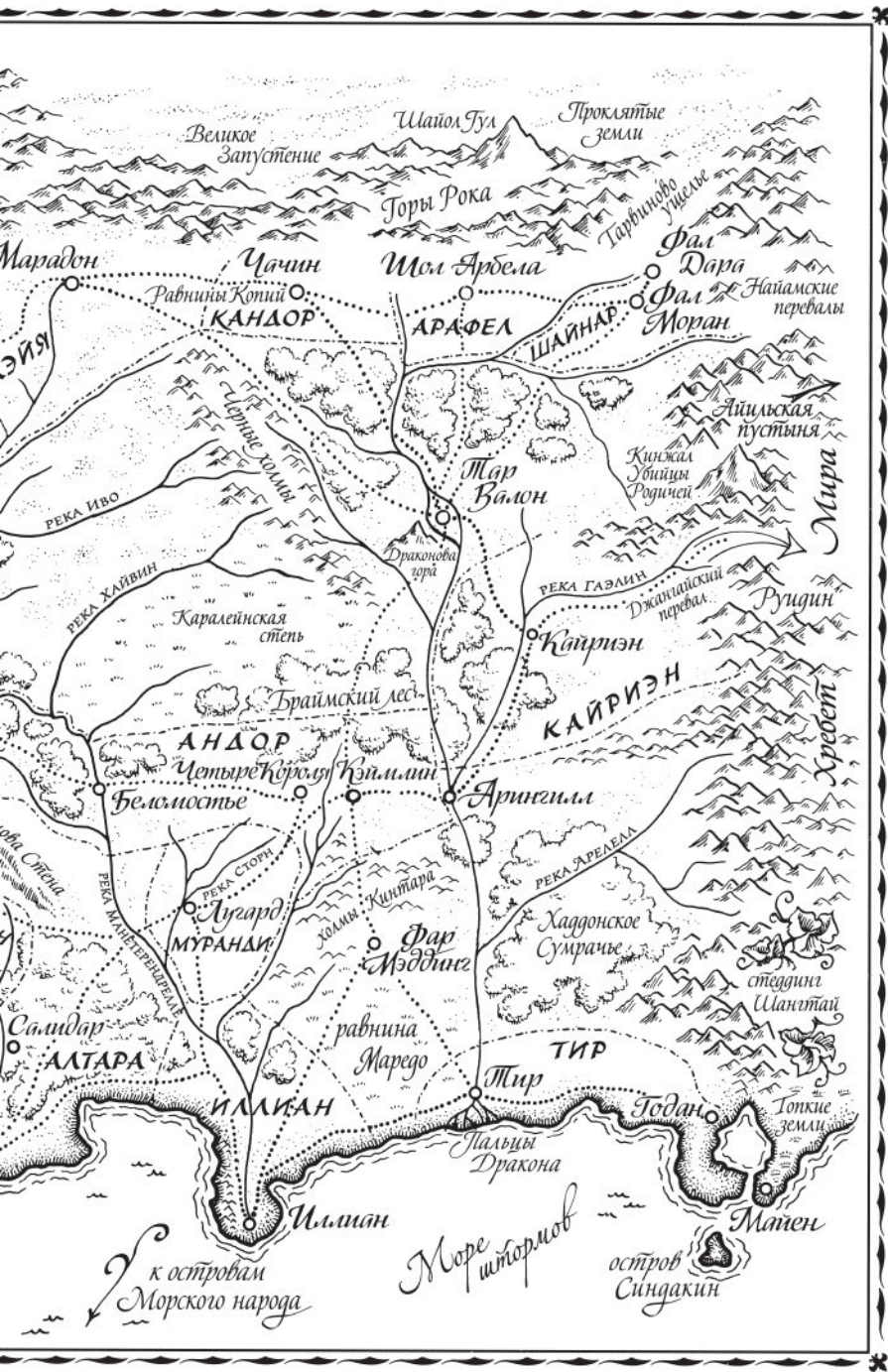
*Роберт Джордан
Чарлстон, Южная Каролина
Февраль 1990 г.*

И свершится так, что созданное людьми будет разрушено, и Тень проляжет чрез Узор эпохи, и Темный вновь наложит длань свою на мир людей. Жены возрыдают, а мужей охватит ужас, когда государства земные распадутся, будто сгнившая ветошь. Ничто не устоит и не уцелеет...

Но будет рожден один, дабы встретить не дрогнув Тень, рожден вновь — как был рожден прежде, и будет рожден опять, и так бесконечно. Возрожден будет Дракон, и при его новом рождении станут причитать и скрипеть зубами. В рубище и пепел облачит он людей и своим явлением вновь расколется мир, разрывая скрепляющие узы. Словно раскованная заря, ослепит он нас и опалит нас, но в то же время Дракон Возрожденный встанет против Тени в Последней битве, и кровь его дарует нам Свет. Пусть струятся слезы, о люди мира! Восплачьте свое спасение.

*Из «Кариатонского цикла: Пророчества о Драконе»,
как переведено Эллейн Марс'идиш Алишин,
главным библиотекарем при дворе Арафела,
в год Благодати Создателя 231-й
Новой эры, Третьей эпохи*

ПРОЛОГ

В Тени

Человек, который — по крайней мере, здесь — называл себя Борс, кривил в усмешке губы, а вокруг приглушенным гусиным гоголом раскатывалось в сводчатом зале негромкое жужжание голосов. Закрывающая все лицо черная шелковая маска — ничем не отличающаяся от тех, что скрывали сотню лиц в зале, — прятала презрительную гримасу. Сотня черных масок и сотня пар глаз, пытающихся разглядеть то, что находится под масками.

Громадная комната, если не приглядываться с особым вниманием, вполне могла сойти за один из дворцовых покоев: высокие мраморные камины, свисающие с купола-потолка золотые лампы, многоцветные гобелены, выложенный замысловатым узором мозаичный пол. Но только если не приглядываться. Каминны были холодны. На толстых, с ногу человека, поленьях плясали языки пламени, но тепла не давали. Стены под гобеленами, потолок, высоко над лампами, — неотделанный, почти черный камень. Окон не было совсем, лишь два дверных проема в противоположных концах помещения. Выглядел зал так, будто кто-то предполагал придать ему сходство с дворцовой приемной, но не удосужился придать ему достоверность бóльшую, чем свойственна беглому наброску.

Где находится этот зал, человек, который называл себя Борс, не знал — и не думал, что об этом известно хоть кому-то из остальных. Ему даже размышлять было неприятно о его местоположении. Достаточно и того, что он был вызван сюда. Об этом ему тоже не

нравилось думать, но на подобное приглашение даже он не смел ответить отказом.

Он поддернул плащ, мысленно поблагодарив огонь за холод. Было бы слишком жарко под черной шерстяной тканью, скрывающей его фигуру до самого пола. Вся его одежда была черной. Многочисленные толстые складки прятали под собой ссутуленные плечи — так он маскировал свой рост — и не позволяли определить, толст он или худ. Здесь не он один завернулся чуть ли не в штуку ткани.

Молча он рассматривал своих сотоварищей. Бóльшая часть его жизни прошла под знаком терпения. Всегда — если он выжидал и наблюдал достаточно долго — кто-то допускал ошибку. Большинство присутствующих тут мужчин и женщин исповедовали тот же жизненный принцип; они наблюдали и молча слушали тех, кто говорил. Некоторые люди не выносят ожидания или молчания, и поэтому они выдают больше, даже не осознавая того.

Среди гостей скользили слуги — стройные золотоволосые юноши и девушки, — предлагавшие с поклоном и бессловесной улыбкой вино. Похожие друг на друга, они носили обтягивающие белые бриджи и свободные белые блузы. И двигались они все с волнующей грацией. Каждый походил на другого, словно отражение в зеркале, юноши столь же красивы, как прекрасны девушки. Вряд ли он смог бы отличить одного от другого, а ведь он обладал острым, цепким взором и хорошей памятью на лица.

Облаченная во все белое, улыбающаяся девушка предложила ему поднос с хрустальными бокалами. Он взял один, нисколько не намереваясь пить; если он совсем отвергнет вино, отказ может показаться знаком недоверия — а то и хуже, и любой неверный шаг мог оказаться здесь смертельно опасным, — но в питье можно подсыпать что угодно. Наверняка кто-нибудь из его сотоварищей не станет возражать, если число соперничающих за власть уменьшится, а кому именно не повезло — какая разница?

От нечего делать он стал гадать, придется ли избавляться от слуг после этого собрания. «Слуги слышат все». Когда прислуживающая девушка, поклонившись, выпрямилась, его взгляд встретил ее глаза на мило улыбающемся лице. Ничего не выражающие глаза. Пустые глаза. Глаза куклы. Глаза более мертвые, чем смерть.

Она изящно отошла, он вздрогнул и поднес бокал к губам, спохватившись в последний момент. Похолодел он вовсе не от того, что сделали с девушкой. Просто всякий раз, когда он полагал, что выявил слабое место у тех, кому теперь служил, обнаруживалось, что

его опередили: эта слабость отсекалась с безжалостной точностью, которая изумляла его. И тревожила. Первым правилом его жизни было всегда выискивать слабости других, поскольку любая из слабостей — цель, через которую он мог выведывать, подсматривать, воздействовать. Если у его нынешних хозяев нет слабых мест...

Хмурясь под маской, он изучал своих сотоварищей. Тут-то, по крайней мере, слабых мест в избытке. Нервозность предавала их, даже тех, у кого доставало ума следить за языком. Натянутость в том, как тот держит себя, судорожность в движениях у той, что приподнимает при ходьбе юбки.

Добрая четверть из присутствующих, как он прикинул, не побеспокоилась о маскировке более серьезной, чем черные маски. Одежда говорила о многом. У стены, возле бордово-золотого драпри, стояла женщина и тихо разговаривала с особой, облаченной в серый плащ с низко надвинутым капюшоном, — мужчина это или женщина, определить было невозможно. Женщина явно выбрала это место из-за того, что цвета гобелена подчеркивали ее наряд. Вдвойне глупо привлекать к себе внимание, так как и без того низко вырезанный лиф, выставлявший напоказ слишком много плоти, и укороченный подол, открывающий расшитые золотом мягкие туфли, говорили о том, что она — из Иллиана, причем женщина богатая, возможно даже благородной крови.

Неподалеку от иллианки одиноко и примечательно молчаливо стояла другая женщина. С лебединой шеей и блестящими черными волосами, волнами ниспадающими до талии, она стояла, прислонившись спиной к стене и наблюдая за всем. Никакого волнения, лишь спокойное самообладание. Весьма похвально, однако ее медного оттенка кожа и кремового цвета одеяние с высоким воротом — не оставлявшее открытым ничего, кроме рук, но облегачающее и полупрозрачное настолько, что, намекая на все, не выдавало ничего, — не оставляли сомнений в том, что та, кто его носит, — из знатнейших родов Арад Домана. В подтверждение этих догадок широкий золотой браслет на левом запястье женщины нес эмблемы ее Дома. Они должны быть эмблемами ее собственного Дома; ни один из родовитых домани не поступится своей несгибаемой гордостью настолько, чтобы носить знаки другого Дома. Это даже не глупость, это еще хуже...

Мимо Борса, окинув его с головы до ног настороженным взглядом сквозь прорези маски, прошел человек в небесно-лазорево-шайнарском кафтане со стоячим воротом. Осанка мужчины выдавала в нем солдата: разворот плеч, пристальный взгляд, никогда не задерживающийся на одной точке надолго, постоянная готовность

выхватить меч, которого сейчас не было, — все свидетельствовало о том. На человека, который называл себя Борс, шайнарец не потратил много времени: сутулые плечи и согбенная спина не таили в себе угрозы.

Человек, который называл себя Борс, хмыкнул, когда шайнарец двинулся дальше, сжимая правую руку в кулак и уже изучая взглядом других, высматривая опасность в ином месте. Можно было разгадать каждого из них — вплоть до положения в обществе и из какой они страны. Купец и воин, простолюдин и благородный. Из Кандора и Кайриэна, Салдэйи и Гэалдана. Из всех стран и почти из каждого народа. Нос его сморщился от внезапно нахлынувшего отвращения. Даже Лудильщик тут, в ярко-зеленых шароварах и ядовито-желтой куртке. «Придет День, и мы без *этих* обойдемся».

Те, кто удосужился переодеться, замаскировались не лучше, многие из них лишь завернулись в длинные плащи. Под краем одной из темных мантий он уловил промельк отделанных серебром сапог благородного лорда Тира, а под другой заметил блеснувшие золотом шпоры в виде львиных голов, которые носят лишь высшие офицеры андорской гвардии королевы. Стройный мужчина — стройный даже в волочащейся по полу черной широкой одежде и безликом сером плаще, заколотом простой серебряной фибулой, — следил за всем из тени низко надвинутого капюшона. Он мог быть кем угодно, откуда угодно... вот только на правой руке у него, между большим и указательным пальцем, вытатуирована шестиконечная звезда. Значит, он — из Морского народа, и взгляд на его левую руку сказал бы по знакам на ней все о его клане и происхождении, о роде занятий. Человек, который называл себя Борс, просто не захотел этим себя утруджать.

Вдруг его глаза сузились, когда взгляд впился в женщину, закутанную с головы до пят в черное. На оставшейся не закрытой тканью правой руке блеснуло золотое кольцо в виде пожирающего собственный хвост змея. Айз Седай или, по крайней мере, обученная в Тар Валоне у Айз Седай. Никто другой не стал бы носить такое кольцо. Для него между этими двумя не существовало никакого различия. Он отвернулся, прежде чем она успела заметить его взгляд, и почти сразу же увидел вторую женщину, облаченную также в черное и с кольцом Великого Змея на пальце. Две ведьмы ничем не вызывали, что знают одна другую. Сидят в Белой Башне, будто пауки в центре тенет, дергая за нити и заставляя плясать, как им угодно, королей и королев, вмешиваясь не в свои дела. «Будь они прокляты в вечной смерти!» Он понял, что скрежещет зубами. Если число наше должно быть уменьшено — а так и должно быть в преддверии

Дня, — есть некоторые, без кого можно будет обойтись, и Лудильщики — не первые среди них.

Раздался звон колокола — одиночная дрожащая нота, донесшаяся сразу отовсюду и будто ножом отрезавшая все прочие звуки.

Высокие двери в дальнем конце зала распахнулись настежь, и в них вступили два троллока в свисающих до колен черных кольчугах, на которых поблескивали шипы. Все люди отпрянули. Даже человек, который называл себя Борс.

Голова и плечи троллоков возвышались над самым рослым человеком в зале, и троллоки являли собой тошнотворную помесь зверя и человека, человеческие лица — искаженные и перекроенные. У одного на месте рта и носа торчал тяжелый острый клюв, а вместо волос топорщились перья. Второй ступал на копытах, лицо выдавалось вперед косматым рылом, а над ушами торчали козлиные рога.

Игнорируя людей, троллоки повернулись к дверям и поклонились, подобострастно и раболопно. Перья одного встали плотным гребнем. Меж троллоками шагнул мурддраал, и они пали на колени. Исчезающий был облачен в черное, по сравнению с его одеждой троллоковы кольчуги и маски людей казались яркими пятнами. Одежания его свисали, не шелхнувшись, ни единая морщинка не пробежала по ним, когда он двигался с грацией гадюки.

Человек, который называл себя Борс, почувствовал, как его губы оттягиваются, обнажая зубы, наполовину в рычании и наполовину — как он ни стыдился признаться в этом даже себе — от страха. Лицо мурддраала не было скрыто ничем. Болезненно-бледное лицо, человеческое лицо, но, будто яйцо, безглазое, похожее на личинку могильного червя.

Гладкое белое лицо медленно повернулось, словно рассматривая людей одного за другим. Заметный трепет пробежал по собравшимся в зале вслед за этим безглазым взором. Тонкие, бескровные губы язвительно вывернулись, что можно было почти счесть за улыбку, но, один за одним, люди в масках старались отступить, вжаться в беспорядочно кружащую толпу, стремясь не попасть под этот взор. После взгляда мурддраала у двери образовался полукруг.

Человек, который называл себя Борс, сглотнул комок в горле. «Придет День, Получеловек, когда вновь явится Великий повелитель Тьмы, он выберет себе новых Повелителей ужаса, и ты сожмешься в страхе перед ними. Ты съежишься перед людьми. Передо мною! Почему он молчит? Хватит на меня таращиться. Говори же!»

— Ваш господин идет. — Голос мурддраала проскребся сухой, осыпающейся змеиной кожей. — Ниц, черви! Падите ниц, дабы его великолепие не ослепило и не испепелило вас!

Ярость захлестнула человека, который называл себя Борс, — ярость, вызванная и самими словами, и тоном, которым слова эти были сказаны. Затем воздух над Получеловеком замерцал, и суть сказанного стала ясна. «Этого не может быть! Не может!..» Троллки уже растянулись на животе, корчась так, словно хотели зарыться в пол.

Не став ждать, пока двинется кто-либо другой, человек, который называл себя Борс, упал лицом вниз и охнул, ударившись о камень. Слова слетели с его уст как заклинание против опасности — они и были заклинанием-оберегом, хоть и хрупким, как тонкая тростинка, против того, чего он боялся, — и он услышал, как сотня голосов произносит в пол те же слова, едва шевеля губами от страха.

— Великий повелитель Тьмы — мой господин, и ревностнее всего служу я ему, до последнего клочка своей души. — В глубине сознания голос вибрировал ужасом. «Темный и все Отрекшиеся заточены...» Весь дрожа, он задавил этот срывающийся шепоток. Уже давно он позабыл этот голос. — Ибо господин мой — Господин смерти. Не спрашивая ничего, служу я ко Дню, когда он явится, однако служу в несомненной и определенной надежде на жизнь вечную. — «...Заточены в Шайол Гул, заточены Создателем в момент творения. Нет, ныне я служу иному господину». — Нет сомнений, верные будут возвеличены на земле, возвеличены над неверующими, возвышены над тронами, однако я служу смиренно ко Дню его возвращения. — «Рука Создателя оберегает нас всех, и Свет оберегает нас от Тени. Нет, нет! Иному господину». — Скоро наступит День возвращения. Скоро явится Великий повелитель Тьмы, дабы повести нас и править миром вечно.

Человек, который называл себя Борс, договорил слова кредо, тяжело дыша, словно пробежал десять миль. Хриплые вздохи вокруг подсказали ему, что не он один чувствовал себя так.

— Поднимитесь. Все поднимитесь.

Сладкозвучный голос застал врасплох. Наверняка никто из его сотоварищей, лежащих на животе, вжимая в мозаичные плиты лица в маски, не произнес и слова, но не такого голоса он ожидал от... Робко он приподнял голову, чтобы одним глазом...

В воздухе над мурддраалом парила фигура мужчины, кайма его кроваво-красного одеяния висела в спяне над головой Получеловека. И тоже в маске кроваво-красного цвета. Чтобы Великий пове-

литель Тьмы предстал перед ними в образе человека? Да к тому же в маске? Тем не менее мурддраал, самый взгляд которого внушал страх, стоя в тени этой фигуры, трепетал и чуть ли не втягивал в плечи голову. Человек, который называл себя Борс, ухватился за тот ответ, который мог вместить в себя его разум и выдержать бремя заключавшегося в нем смысла. Наверное, один из Отрекшихся.

И все равно подобная мысль была немногим менее пугающей и неприятной. Даже так это должно значить, что День возвращения Темного приблизился вплотную, раз свободен один из Отрекшихся. Отрекшиеся, тринадцать самых могущественных обладателей Единой Силы в эпоху, когда подобных им было множество, были замурованы в Шайол Гул вместе с Темным, изолированы от мира людей Драконом и Сотней спутников. Нанесенный в ответ на это действие пагубный удар запятнал мужскую половину силы Истинного Источника; и все мужчины Айз Седай, эти проклятые обладатели Силы, сошли с ума и взломали мир, разбили его на куски, словно глиняный горшок о камень, а после, разлагаясь заживо, завершили своей смертью Эпоху легенд. Самая подходящая смерть для Айз Седай, по мнению человека, который называл себя Борс. Да и та слишком хороша для них. Он жалел лишь о том, что подобной участи избежали женщины.

Медленно, с усилием он загнал паническое чувство в самую дальнюю часть сознания, сжав и крепко держа его, хотя оно и вопило во весь голос, стремясь вырваться. Это было лучшее, что он мог сделать. Ни один из распластавшихся на полу не поднялся, и лишь немногие отважились приподнять голову.

— Поднимитесь! — На этот раз в голосе фигуры в красной маске слышался щелчок кнута. Фигура повелительно двинула руками. — Встаньте!

Человек, который называл себя Борс, начал было неуклюже вставать, но на полпути заколебался. Эти жестикулирующие руки были страшно обожжены, испещрены черными трещинами, а ободранная, лишенная кожи плоть была такой же красной, как и мантия. «Мог ли Темный появиться так? Или даже кто-то из Отрекшихся?» Провалы глазниц кроваво-красной маски медленно скользнули по нему, и он торопливо распрямился. В этом взгляде ему почудился жар разверстого горнила.

Остальные, подчинившись приказанию, встали не с большей ловкостью и с неменьшим страхом. Когда все оказались на ногах, парящая фигура заговорила:

— Меня знают под многими именами, но то, под которым вы знаете меня, — Ба'алзамон.

Человек, который называл себя Борс, сцепил зубы, чтобы они не стучали. Ба'алзамон. На языке троллоков это означает Душа Мрака, и даже неверящим известно, что таково троллоково имя для Великого повелителя Тьмы. Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить. Не подлинное имя, Шайи'тан, но все равно запретное. Среди тех, кто собрался здесь, и у всех из рода людского кощунством считалось осквернить человеческий язык произнесением любого из них. Воздух со свистом вырывался из ноздрей, и вокруг себя он слышал тяжелое дыхание из-под других масок. Слуги исчезли, как и троллоки, хотя как они уходили — он не заметил.

— Место, где вы находитесь, лежит в тени Шайол Гул. — Не один стон раздался при этом известии; человек, который называл себя Борс, не был уверен, не звучал ли в хоре остальных его голос. Нотка того, что можно было почти назвать насмешкой, проскользнула в голосе Ба'алзамона, когда он развел руки широко в стороны. — Бояться нечего, ибо День возвышения над миром вашего господина недалек. День возвращения близится. Разве то, что я здесь — дабы меня узрели вы, немногие избранные среди ваших братьев и сестер, — не говорит вам об этом? Скоро Колесо Времени будет сломано. Скоро умрет Великий Змей, и властью этой смерти, гибели самого Времени, ваш господин переделает мир по-своему — для этой эпохи и для всех эпох грядущих. И те, кто служит мне преданно и стойко, воссядут подле ног моих над звездами в небе и станут править миром людей вечно. Так обещал я, и так будет — будет бесконечно. Вечно будете вы жить и править.

По рядам слушателей пробежали шепотки предвкушения, а кое-кто даже сделал шаг вперед к парящей темно-красной фигуре, устремив вверх восторженные глаза. Даже человек, который называл себя Борс, ощутил притягательность этого обещания — обещания, ради осуществления которого он продавал свою душу добрую сотню раз.

— День возвращения близок, — произнес Ба'алзамон. — Но многое еще нужно сделать. Многое.

Воздух слева от Ба'алзамона зарябил и сгустился, и немного ниже повисла фигура юноши. Человек, который называл себя Борс, никак не мог решить, была ли она живой или нет. Деревенский парень, судя по одежде, с лукавым огоньком в карих глазах и намеком на улыбку на губах, словно при воспоминании или в предвкушении озорной проделки. Тело выглядело теплым, но грудная клетка не шевелилась от дыхания, глаза смотрели вперед, не моргая.

Справа от багровой мантии воздух заволновался, как от жара, и немного ниже Ба'алзамона повисла вторая одетая по-деревенски фигура. Курчавый юноша с могучей мускулатурой кузнеца. И еще

странность: на боку у него висел боевой топор, большой полумесяц лезвия уравновешивался толстым клювом обуха. Человек, который называл себя Борс, внезапно подался вперед, заинтересованный еще большей странностью. У юноши были желтые глаза.

В третий раз воздух уплотнился в фигуру молодого мужчины, теперь прямо перед Ба'алзамоном, у самых его ног. Высокий парень с серыми глазами, ставшими на свету почти голубыми, и с темными с рыжинкой волосами. Еще один селянин или фермер. И вдруг человек, который называл себя Борс, открыл от изумления рот. Еще одно обстоятельство, совершенно необычное, хотя с какой стати ему ожидать тут чего-то обыденного. На поясе у юноши висел меч, меч с бронзовой цаплей на ножнах и еще с одной на длинной двуручной рукояти. «Как! Деревенский мальчишка с клинком, отмеченным цаплей?! Быть того не может! Что бы это значило? И парень с *желтыми* глазами». Он заметил, что мурддраал с дрожью глядит на эти три фигуры; и если только суждение не было совершенно неверным, то дрожал Получеловек теперь не от страха, а от ненависти.

Пала мертвая тишина, и, когда она достигла своего высшего напряжения, Ба'алзамон сказал:

— Пресуществлен тот, кто бродит по миру, тот, кто был и будет, но которого нет сейчас. Дракон.

Испуганный шепот прошелестел по внимавшим Ба'алзамону.

— Возрожденный Дракон! Мы должны убить его, Великий повелитель? — спросил шайнарец. Его рука искала на боку меч.

— Возможно, — просто сказал Ба'алзамон. — А может быть, нет. Может, его удастся обратить на мою сторону. Рано или поздно, но так будет — в эту эпоху или в другую.

Человек, который называл себя Борс, прищурился. «В эту эпоху или в другую? А я-то полагал, что День возвращения близок. Что мне за дело до того, что случится в другой эпохе, если я, ожидая, состарюсь и умру в этой?»

Но Ба'алзамон заговорил вновь:

— В Узоре уже формируется изгиб, одна из многих точек, где того, кто станет Драконом, можно обратить на служение мне. Он должен быть обращен! Лучше, чтобы он служил мне живым, нежели мертвым, но, живым или мертвым, он должен и будет служить мне! Этих троих вы обязаны знать, поскольку каждый — нить в узоре, который я намерен сплести, и ваше дело, когда я прикажу, — найти, где они находятся. Рассмотрите хорошенько, чтобы вы смогли узнать их.

Внезапно все звуки смолкли. Человек, который называл себя Борс, беспокойно шевельнулся, оглянулся и заметил, что остальные ведут себя так же. Все, кроме иллианки. Обхватив руками грудь, словно скрывая округлости тела, что раньше выставляла напоказ, широко раскрыв глаза, наполовину испуганная и наполовину экзотичная, она энергично кивала, как будто кто-то стоял рядом с нею лицом к лицу. Иногда она словно отвечала кому-то, но человек, который называл себя Борс, не слышал ни слова. Внезапно женщина выгнулась дугой назад, дрожа и вытянувшись струной. Он не мог понять, почему она не падает, разве только нечто невидимое удерживает ее. Потом, так же внезапно, она опять встала прямо и вновь кивнула, дрожа и кланяясь. Когда иллианка выпрямилась, тут же вздрогнула и принялась кивать одна из женщин, носящих кольцо Великого Змея.

«Значит, каждый из нас слышит распоряжения, касающиеся только его, а приказаний другим — нет». Человек, который называл себя Борс, разочарованно что-то пробормотал. Если б он узнал, что приказано хотя бы одному из всех прочих, то мог бы использовать подобное знание в своих интересах, но раз так... Нетерпеливо он ждал, когда придет его черед, забывшись настолько, что стоял выпрямившись во весь рост.

Один за другим собравшиеся получали свои приказания, окруженные стеной безмолвия, которая, однако, все же позволяла получить намеки, дразнящие ложными надеждами на разгадку тайны. Если бы только можно было верно истолковать их... Человек из Ата'ан Мизйр, Морского народа, кивнул, одеревенелый от нежелания. Шайнарец хотя и соглашался молча, но поза его говорила о замешательстве. Вторая женщина из Тар Валона вздрогнула, как от удара, а закутанная в серое фигура, чей пол он не сумел определить, покачала головой, прежде чем рухнуть на колени и неистово закивать. Некоторых охватывала такая же судорога, что и иллианку, словно боль заставляла их вставать на цыпочки.

— Борс.

Человек, который называл себя Борс, дернулся, когда красная маска предстала перед самыми его глазами. Он по-прежнему мог видеть зал, видеть парящую фигуру Ба'алзамона, а рядом с нею — три фигурки поменьше, но в то же самое время видел он лишь лицо в красной маске. Ошеломленный, он почувствовал, как его череп будто распался надвое, а глаза вытолкнуло из головы. На миг ему почудилось пламя в прорезях маски.

— Ты — верный... Борс?

От проскользнувшего в этом имени намека на насмешку по спине пробежал холодок.

— Я — верный, Великий повелитель. От вас нельзя ничего скрыть. — «Да, я верный! Клянусь в этом!»

— Конечно нельзя.

От звука уверенного голоса Ба'алзамона пересохло во рту, но Борс заставил себя говорить:

— Приказывайте мне, Великий повелитель, и я исполню вашу волю.

— Во-первых, ты вернешься в Тарабон и продолжишь вершить свои *добрые* труды. Если быть точнее, я приказываю тебе удвоить рвение.

Борс озадаченно воззрился на Ба'алзамона, но потом за маской вновь полыхнуло пламя, и он счел за благо поклониться, чтобы под этим предлогом отвести взгляд.

— Как прикажете, Великий повелитель, так и будет.

— Во-вторых, ты станешь искать этих троих юношей и заставишь искать их своих приверженцев. Будь настороже: эти трое опасны.

Человек, который называл себя Борс, окинул взглядом фигуры, висящие в воздухе перед Ба'алзамоном. «Как это получается? Я вижу их, но не вижу ничего, кроме его лица». Голова у него чуть ли не раскалывалась. Ладони в тонких перчатках повлажнели, а сорочка прилипла к спине.

— Опасны, Великий повелитель? Деревенские мальчишки? Разве один из них...

— Меч опасен тому, на кого направлено острие, но не тому, кто держит его за рукоять. Если только человек, который держит меч, не круглый дурак, или не беспечен, или же не неумел, в каких случаях оружие вдвойне опаснее для него самого, чем для кого-то другого. Того, что я сказал тебе, достаточно, чтобы опознать их. Этого достаточно, чтобы ты повиновался мне.

— Как прикажете, Великий повелитель, так и будет.

— В-третьих, относительно тех, кто высадился на мысе Томан, и о домани. Об этом не рассказывать никому. Когда ты вернешься в Тарабон...

Человек, который называл себя Борс, понял, что слушает с раскрытым ртом. В приказах не было ровным счетом никакого смысла. «Если бы я знал, что поручено хоть кому-то из остальных, наверное, я бы мог сложить фрагменты воедино».

Вдруг он почувствовал, что голову сдавило — будто гигантская рука сжимает виски; почувствовал, что его поднимают; и мир раз-

летелся тысячей звездных вспышек, каждая вспышка становилась картинкой, что проносилась перед его мысленным взором или кружилась, уменьшаясь и удаляясь, едва он успевал заметить ее. Немыслимое небо в полосатых облаках, красно-желто-черных, несущихся взапуски, будто гонимых самым сильным ветром, какой только видел мир. Женщина — девушка? — одетая в белое, едва появившись, отодвинулась в черноту и исчезла. В глаза ему уставился ворон, *знающий* его, потом пропал. Закованный в доспехи мужчина, в жутком шлеме, раскрашенном и покрытом позолотой, наподобие какого-то чудовищного, отвратительного насекомого, поднял меч и нанес удар куда-то вбок, за пределы поля зрения. Рог, изогнутый, золотой, прилетел откуда-то издалека. Он несся прямо в лицо, звучала одна пронзительная нота, которая вытягивала из него душу. В последний миг рог вспыхнул слепящим золотым кругом света, который прошел сквозь него, обжегши холодом, по сравнению с которым хлад смерти — ничто. Из теней потерянного зрения выпрыгнул волк и разорвал ему горло. Кричать он не мог. Стремительный поток несся дальше, топя его, погребая под собой. Он едва помнил, кто он и где находится. Небеса пролились огненным дождем, канули в небытие луна и звезды; реки текли кровью, и шагали мертвые; разверзлась земля и выплюнула фонтаны расплавленного камня...

Человек, который называл себя Борс, очнулся и понял, что стоит пригнувшись в том же зале вместе с остальными, большинство из которых в гробовой тишине наблюдали за ним. Куда бы он ни глянул — вверх, вниз, в любую сторону, — везде перед глазами вставало лицо Ба'алзамона в маске. Образы, затопившие сознание, блекли, тускнели; он был уверен, что многие из них уже выветрились из памяти. Нерешительно он выпрямился, Ба'алзамон постоянно находился перед ним.

— Великий повелитель, что?..

— Некоторые приказания чересчур важны, чтобы быть известными даже тем, кто исполняет их.

Человек, который называл себя Борс, склонился в поклоне вдвое ниже обычного.

— Как прикажете, Великий повелитель, — хрипло прошептал он, — так и будет.

Выпрямившись, он опять оказался в одиночестве и в безмолвии. Еще один, тайренский благородный лорд, кивнул и поклонился кому-то, не видимому более никому. Человек, который называл себя Борс, приложил ко лбу дрожащую ладонь, стараясь удержать в памяти хоть каплю из того, что хлынуло через его сознание, хотя и не был уверен до конца, хочется ли ему это вспоминать. Ужасаю-

щий шлейф вспыхнул и пропал, и неожиданно он задумался: что же он пытается припомнить? «Я знаю: что-то было, но вот что? Было же что-то! Или нет?» Он потер друг о дружку руки, брезгливо морщась от неприятного чувства пота под перчатками, и обратил все внимание на три изображения, висящие без опоры перед парящей фигурой Ба'алзамона.

Мускулистый курчавый юноша, фермер с мечом и паренек с озорным выражением лица. Человек, который называл себя Борс, уже окрестил их для себя — Кузнец, Мечник и Плут. «Каково их место в головоломке?» Они должны иметь большое значение, иначе зачем Ба'алзамону делать их центром этого собрания. Но, согласно одному из полученных им приказов, они все могут умереть в любое время, и он склонен был полагать, что некоторые из его сотоварищей имеют приказы, тоже подразумевающие смерть для этих троих. «Насколько они важны?» Голубые глаза могут означать принадлежность к аристократии Андора — неправдоподобно в сочетании с такими одеждами, — есть и порубежники со светлыми глазами, как и кое-кто из тайренцев, не говоря уж об отдельных гэалданцах и, конечно же... Нет, это не поможет. Но вот желтые глаза? «Кто они такие? Что они такое?»

Он вздрогнул от прикосновения к руке и, оглянувшись, увидел сбоку от себя слугу в белом, молодого мужчину. Прочие слуги тоже вернулись, их стало больше, чем раньше, по одному для каждого из гостей в масках. Он прищурил глаз. Ба'алзамон исчез. Мурдраал — тоже, и лишь шероховатый камень был там, где прежде находилась дверь, через которую входил Получеловек. Тем не менее три фигуры по-прежнему висели в воздухе. Он чувствовал себя так, словно они смотрели на него.

— Если соблаговолите, милорд Борс, я провожу вас в ваши апартаменты.

Избегая смотреть в эти безжизненные глаза, он еще раз взглянул на три фигуры, потом пошел за слугой, с тревогой размышляя, откуда тот узнал, как к нему следует обратиться. Но раздумывал недолго, пока покрытые необычной резьбой двери не захлопнулись за ним. Он прошел с дюжину шагов, когда понял, что они со слугой в коридоре одни. Он подозрительно насупил брови под маской, но не успел открыть рот, как слуга заговорил:

— Других тоже провожают в их комнаты, милорд. Вы позволите, милорд? Время истекает, а наш господин нетерпелив.

Человек, который называл себя Борс, скрипнул зубами как от досады на скудость предоставленных ему сведений, так и оттого, что своими словами слуга поставил его и себя на одну доску, но следо-

вал за ним молча. Лишь глупцы огрызаются на слугу, а припомнив глаза парня, он засомневался, что отповедь возьмееет хоть какое-то действие, если не приведет к худшему. «И как он узнал, что я собираюсь задать ему вопрос?» Слуга улыбнулся.

Человек, который называл себя Борс, чувствовал себя совершенно не в своей тарелке, пока не вернулся в комнату, где ожидал, прибыв сюда по зову, но и тогда беспокойство не оставило его. Даже найти пломбы на своих седельных сумках нетронутыми казалось слабым утешением.

Слуга входить не стал, остался в коридоре.

— Если угодно, милорд, вы можете переодеться в свое собственное платье. Никто не увидит ни как вы отбудете отсюда, ни как вы окажетесь в нужном вам месте, но, вероятно, лучше появиться там уже одетым надлежащим образом. Вскоре за вами придут, дабы проводить вас.

Дверь, к которой не притронулась ничья видимая рука, закрылась.

Человек, который называл себя Борс, не сдержал нервной дрожи. Поспешно он сорвал печати, расстегнул пряжки на седельных сумках и вытащил обычный для себя плащ. Где-то в глубине души тихий шепоток спрашивал, стоит ли еще одного подобного сборища обещанное могущество или даже бессмертие, но он сразу же рассмеялся. «Ради такой власти я готов вознести хвалу Великому повелителю Тьмы даже под самым Куполом Истины!» Вспоминая данные ему Ба'алзамоном распоряжения, он машинально поглаживал пальцами вышитое на груди белого плаща золотое посверкивающее солнце, за которым краснел крюк пастырского посоха, — символ его положения и поста в мире людей. Он чуть не рассмеялся. В Тарабоне и на равнине Алмот предстоит работа, большая работа.

ГЛАВА

1

Пламя Тар Валона

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя наследие воспоминаний, которые становятся легендой, а после тускнеют, превращаясь в мифы; и когда эпоха, что породила их, приходит вновь, они уже давно забыты. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, давно минувшую, в Горах Рока поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно — начало всех начал.

Ветер, родившийся меж черных, бритвенно-острых пиков гор, где по перевалам бродит смерть, таясь от тварей еще более опасных, чем она сама, — ветер этот дул на юг через чащобный лес Великого Запустения, испорченный и извращенный прикосновением Темного. Ко времени, когда ветер миновал ту невидимую линию, что люди называли границей Шайнара, где весенние цветы густо усеяли деревья, тошнотворно-сладковатый запах разложения уже рассеялся. Уже давно должно было прийти лето, но весна припоздала, и все буйно цвело, стремясь наверстать упущенное. Молодая светлая зелень топорщилась на каждом кусте, и рыжеватыми молодыми побегами оканчивалась каждая веточка на деревьях. Ветер рябью шелестел по полям вокруг ферм, словно по зеленым прудам озимых, что чуть ли не на глазах пробивались вверх и вверх.

Запах смерти почти совершенно развеялся задолго до того, как ветер достиг стоящего на холмах, окруженного каменной стеной города Фал Дара и захлестнул, будто кнутом, башню цитадели в са-

мом центре города, закружил вокруг башни, на верхней площадке которой будто танцевали два человека. Фал Дара — с высокими и крепкими стенами — никогда не был взят врагом, никогда не был предан — ни цитадель, ни город. Ветер стонал над крытыми гонтом кровлями, вился вокруг высоких дымоходов и еще более высоких башен и выл, словно рыдал погребальную песнь.

От холодной ласки ветра Ранд ал'Тор, обнаженный по пояс, вздрогнул, пальцы его сжались крепче на длинной рукояти тренировочного меча. От жаркого солнца грудь юноши стала скользкой от пота, его темные рыжеватые волосы слиплись. Слабый запах в вихре заставил затрепетать ноздри, но юноша не связал его с промелькнувшей в голове картиной только что раскопанной старой могилы. Он едва ли осознал вообще этот запах и этот образ; он изо всех сил старался держать свой разум пустым, но другой человек, с которым юноша находился на верху башни, все вторгался и вторгался в эту пустоту. Площадка, окруженная высоким — по грудь — парапетом с бойницами, была шириной шагов в десять. Достаточно просторной, чтобы не чувствовать никакой стесненности. Даже более того. Разве что если твой противник — Страж.

Юноша был высок, но Лан не уступал ему в росте и отличался развитой мускулатурой, хотя и не был так широк в плечах, как Ранд. Узкая полоска плетеной кожи удерживала длинные волосы Стража, не позволяя им падать на лицо, которое казалось грубо высеченным из камня, с гранями и углами, — на лицо, вопреки налету седины на висках, не тронутому ни единой морщиной. Несмотря на жару и напряжение занятия, на груди и руках Лана пот едва поблескивал. Ранд всматривался в ледяные голубые глаза Лана, выскивая какой-нибудь намек на то, что собирается предпринять противник. Страж, как казалось, словно и не моргал, а тренировочный меч в его руках двигался уверенно и плавно, когда он перетекал из одной стойки в другую.

Учебный меч — свободно связанные вместе тонкие пластины вместо клинка — при ударе громко щелкал и оставлял на коже алый след. Ранд слишком хорошо знал это. На ребрах у него больно ныли три полосы, и еще одна жгла плечо. Он прилагал все силы, чтобы не получить в награду еще больше. На Лане не было ни одного рубца.

Как Ранда и учили, он вызвал в уме язычок пламени и сконцентрировался на нем, стараясь сжечь в нем все эмоции и вспышки чувств, стараясь создать в себе пустоту, прогнав всякую мысль от себя. Опустошенность пришла. Как это бывало в последнее время слишком часто, она была не абсолютной пустотой; пламя остава-

лось на месте, а какое-то ощущение света волновало неподвижность. Но и этого хватало — хотя едва-едва. Прохладное спокойствие пустоты текло через него, и юноша был един со своим тренировочным мечом, с гладкими камнями под подошвами сапог, даже с Ланом. Все было едино, и он двигался без всякой мысли, в ритме, что шаг в шаг и движение в движение соответствовал перемещению Стража.

Вновь поднялся ветер, донесший из города звон колоколов. «Кто-то все еще празднует приход весны...» Посторонняя мысль порхнула на волнах света через пустоту, взбаламутив ее, а Страж словно прочитал мысли Ранда — тренировочный меч закружился в руках Лана.

Долгую минуту верхушку башни оглашал быстрый «клак-клак-клак» связанных планок, ударяющихся друг о друга. Ранд и не пытался достать противника; он мог лишь парировать выпады Стража. Отражая удары Лана в самый последний момент, он был вынужден отступать. Выражение лица Лана нисколько не менялось. Внезапно круговой удар Стража превратился в прямой выпад. Ранд, застигнутый врасплох, отступил, уже морщась от удара, который — он понимал — на этот раз остановить ему не удастся.

Ветер с воем накинудся на крепостную башню... и поймал юношу в ловушку. Воздух будто мгновенно сгустился, обернувшись вокруг него коконом, и толкнул его вперед. Время и движения замедлились; охваченный ужасом, Ранд наблюдал, как тренировочный меч Лана медленно приближается к его груди. Нечем было ни задержать, ни смягчить неотвратимый удар. Ребра хрустнули, будто по Ранду ударили молотом. Он охнул, но ветер не позволил ему уклониться; наоборот, ветер по-прежнему толкал юношу вперед. Пластины меча Лана согнулись дугой, вывернулись — Ранду казалось, неизмеримо медленно, — затем, лопнув, разлетелись, острые концы обломков медленно двинулись по направлению к сердцу Ранда, зазубренные планки вонзились в кожу. Боль пикой пронзила все тело; кожу будто исполосовали настоящим клинком. Словно солнце своим опаляющим жаром захотело превратить юношу в прожаренный до хрустящей корочки бекон на сковородке.

С воплем Ранд отшатнулся, споткнулся и упал спиной на каменную стену. Дрожащей рукой он провел по порезам на груди и поднес окровавленные пальцы к серым глазам, будто не веря.

— И что это было за дурацкое движение, пастух? — проскрежетал Лан. — Теперь ты лучше знаешь или же должен был знать, если только не позабыл все, чему я пытался научить тебя. Сильно ты...

Он осекся, когда Ранд поднял на него глаза.